

Знакомство Глинки с Е. К.⁴ началось, когда Стунеев, муж Марии Ивановны, сестры Глинки, был заведующим хозяйством Смольного монастыря⁵; в неделю раз у Стунеева собирались воспитанницы института старшего возраста, классные дамы и пепиньерки; в числе последних была и Е. Е. К-н, девица бледная, интересная, стройная и очень умная. Вообще, обо всем, что говорил я выше и о К., подробно изложено в моей статье о Глинке, напечатанной в «Русской старине»⁶. В этой статье о Глинке сказано, что первое представление «Руслана» было неудачное. Всех поразила несвязность либретто оперы. Теперь, по прочтении дневника Кукольника, мне эта путаница делается понятною: может ли быть какой-нибудь толк в соображениях и заключениях шутовского комитета из «7» или «8» лиц, из которых больше половины не понимали ни сцены, ни музыки, и это за несколько дней до завершительной работы над оперою, и это после ужина! Ох, эти ужины!

Вообще же воспоминания Кукольника могут быть очень полезны в составлении музыкальной биографии Глинки; если отбросить поэтическую восторженность, то все остальное верно. А если бы понадобились подробности, то могут пригодиться и мои воспоминания.

В. В. САМОЙЛОВ

ПЕРВЫЕ ГОДЫ АРТИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

...Брюллов давно уже хворал биением сердца, и болезнь его, наконец, приняла очень опасный оборот. Он уже не покидал постели [...]

Бедный друг! Ему было суждено не встать уже более с постели!

Много хороших часов проводили мы в его обществе в былое время, и те, которые еще остались в живых из того кружка, конечно, не забыли об артистических вечерах, проведенных у него.

Брюллов занимал в то время¹ громадную мастерскую в Академии Художеств, с казенным освещением, чем мы и пользовались, надо признаться, в весьма широких размерах, во время наших ужинов у него. Угощение и закуски бывали не столь богаты и вкусны, сколько разнообразны, потому что каждый приносил с собою что попало по своему усмотрению. Зато именно освещение и уборка мастерской были великолепны, изящны и роскошны. Вся она убиралась картинами самого хозяина, и, от первой до последней, каждая освещалась отдельно с одинаковой тщательностью и с редким искусством. Иному гостю приходилось сидеть рядом с своим портретом, тут же находящимся, и по ошибке, в пылу разговора, случалось иногда обращать речь к копии вместо оригинала. Много горечи, боли и разных невзгод забывалось в искренней беседе за этой незатейливой трапезой. Тут Кукольник Нестор, который тогда был в большой моде, вдохновлялся и увлекал нас своими стихотворениями; Михайло Глинка вызывал слезы у присутствующих, певши свои задумчивые романсы. У него был не сильный тенор, но чрезвычайно приятный, и никто не умел петь его романсы с таким выражением, как он сам. Кроме того он был замечательно хороший пианист. Впоследствии я с ним сошелся ближе². Он страстно любил театр, и даже оставил по себе маленькую ламять Александринскому театру тем, что написал куплет на переводный водевиль «Купленный выстрел». В этой маленькой пьеске я исполнял роль англичанина, и в конце мне приходи-

лось петь длиннейший куплет, который и составил Глинка. У меня хранится партитура для оркестра, вся написанная его рукой, и я берегу ее как дорогое воспоминание об этом великом таланте³.

А. Н. СТРУГОВЩИКОВ

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ГЛИНКА

(1839—1841)

Кто читал автобиографию М. И. Глинки и записки о нем близких ему людей, тот может себе составить довольно ясное представление о его личности и о его произведениях и обо всем многом, что обуславливало жизнь его. На мою долю осталось дополнить известное несколькими портретами и рассказать о немногих, никем еще не троугутых, не упомянутых чертах его характера, относящихся к тому времени, когда его творчество было в своем полном разгаре. К тому же я и в долгу у него: в декабре 1840 г. покойный М. И. Глинка вручил мне письмо к нему товарища его по с.-п[етербургскому] университетскому пансиону, Н. А. Мельгунова, для напечатания в «Художественной газете». Почему оно появляется в свет только теперь, объясняю ниже¹.

Я знал М. И. еще с университетского пансиона, куда он по выходе приезжал к товарищам. Я был тогда новичком². Один из его приездов (осенью 1823 г.) напоминает мне довольно живо его тогдашнюю наружность и манеры. Это было в свежий день; желтый лист нашего обширного сада только что начал спадать. Здесь-то я увидел его между видными фигурами Римского-Корсака и Лукьяновича и менее рослыми Илличевского и Подолинского. Его серьезное лицо с смуглым, южным оттенком, с прищуренным или, точнее, с прислеповатым взглядом, беспрестанно за разговором оживлялось, и если его черный сюртук резко отделялся от наших форменных сюртуков, то еще резче выделялся он своею живою живостью движений, звонким голосом и смелой, энергической речью. Иногда его отрывистые, как бы судорожные, движения неожиданно поражали вас. Или он вдруг остановится, обнимет за талию то того, то другого товарища, или станет на цыпочки и горячо шепчет им, по очереди, что-то на ухо, как это часто делают люди сосредоточенные. Роста больше малого и меньше среднего, его фигура была в главных частях соразмерна и довольно стройна. В нравственном отношении он уже и в то время, казалось, выходил из ряда людей обыкновенных. Его привязанность к однокашникам и их привязанность к нему оставили во мне неизгладимое впечатление. К чести нашего инспектора Я. В. Толмачева, его помощника И. Е. Колмакова и некоторых профессоров надобно отнести их ревность к талантам, их участие в судьбах своих воспитанников. Надобно было видеть, с каким удовольствием и самодовольствием вспоминали они о дарованиях Масальского, Глинки, Соболевского, Илличевского, Подолинского!³ Это не оставалось без влияния на так называемую закваску школы*.

* Якову Васильевичу Толмачеву теперь 98 лет, в прошедшую зиму (1872) он приезжал, по обыкновению, из деревни в Петербург для закупок и получения пенсии, а тому лет пять он еще был раза два у меня. В прошедшем же году он прислал мне свои последние переводы из Вергилия, которого когда-то знал наизусть. Это не мешало ему, однако, относиться разумно к воспитанникам, слабым в латинском языке; о них он говаривал, что из них выйдут, вероятно, хорошие математики, и редко ошибался. Его «Военное красноречие» и известная в то время полемика с Бутырским тепеь, конечно, забыты.—Примечание А. Н. Струговщикова.